

КРАСОВСКАЯ СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА

ЛЕОНИД ЗАВАЛЬНЮК МЕЖДУ «УГЛОМ» И «ОВАЛОМ», ИЛИ ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ С ДВУМЯ ЭПИГРАФАМИ

Публикация посвящена проблеме поэтической идентичности Леонида Завальнюка. На примере одного стихотворения в статье проанализированы мировоззренческие установки и эстетические предпочтения автора в соотнесении с мейнстримными трендами эпохи хрущёвской оттепели; показана сложная неоднозначность отношения поэта к своему поколению, включённость его в один из глобальных мировоззренческих споров своего времени.

Ключевые слова: поэтическая идентичность, лирический субъект, поколение, литературное поле, официальная литература, массовая культура, неподцензурная литература, хрущёвская оттепель.

Keywords: poetic identity, lyric subject, generation, literary sphere, official literature, mass culture, Khrushchev Thaw.

В этом году Леониду Завальнюку могло бы исполниться 90, но вот уже 11 лет, как его нет с нами. Самое время поговорить о поэтической идентичности поэта¹, попытаться описать его место в истории.

Однако может ли одно произведение рассказать о «месте поэта в рабочем строю»? Наверное, не всегда и не каждое, но стихотворение Леонида Завальнюка, о котором пойдёт речь, — возможно. Вот оно:

Геометрическое

*Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!
П. Коган
Я с детства полюбил овал.
За то, что он такой законченный.
Н. Коржавин*

*Имея эллиптическую сущность,
Нельзя не наткнуться на углы.
Не потому нельзя, что невозможно,
А потому, что света нет без мглы.
Есть утренняя серая пора,
Есть пасмурные дни и вечера,
Но как-то забываем мы об этом,
Как и о том,
Что не единым светом
Жив человек.
И что б ни рисовала
Его рука,
Куда бы ни вела, —
Углы всегда лежат внутри овала,
Как сам овал всегда внутри угла.
Да, перед светом надо падать ниц.
Но не мешало помнить бы при этом:
Как меж душой и телом нет границ,
Так нет границ меж темнью и светом.
Я с детства человечков рисовал,
А в них ведь всё —
То угол, то овал... [4]*

Своё стихотворение поэт предварил двумя эпиграфами — стихами, как мы сейчас понимаем, если не ключевых, то, пожалуй, символических фигур определённого периода XX века (нам необходимо уточнить, какого именно) — Павла Когана и Наума Коржавина. Предварил и тем самым вступил в диалог, очевидно важный для себя. Стихотворение явно

содержит некую декларацию, разъяснение собственной позиции по отношению к тому, что кажется общим местом. Без сомнения, перед нами попытка мировоззренческой и эстетической самоидентификации поэта.

Завальнюк редко датировал свои стихотворения, его ранние сборники труднодоступны, поскольку выходили малыми тиражами в небольшом дальневосточном издательстве — в Благовещенске. Первый — «В пути» — увидел свет в 1953 году. За ним последовали и другие: «За отступающим горизонтом» (1956 г.), «Стихи о доме» (1958 г.), «На полустанке» (1958 г.), «Моя прописка» (1962 г.), «Лирика» (1963 г.). Первое московское издание — «Поле-половодье» — датируется 1965 годом. Несмотря на то, что начиная с 1975 года стихи и проза Завальнюка регулярно публикуются в хабаровском и центральных московских издательствах, сегодняшнему исследователю бывает трудно определить дату написания того или иного текста. Поэтому и дату «Геометрического» вычислить не так просто, тем более что возрастная идентичность поэта не считается сразу. Однако небольшое расследование может помочь если не датировать текст, то предположить время написания стихотворения и тем самым продвинуться в осмыслении мировоззренческой и творческой позиции поэта, особенностей его диалога с эпохой и современниками.

Первый эпиграф — строки из стихотворения «Гроза» (1936 г.) Павла Когана (1918–1942 гг.), поэта-романтика, не успевшего повзрослеть, погибшего на войне. Стихотворение стало визитной карточкой поэта.

Гроза

*Косым, стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся ветлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она звенела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и крутизну.
И вниз. К обрыву. Под уклон.
К воде. К беседке из надежд,
Где столько вымокло одежд,
Надежд и песен утекло.
Далёко, может быть, в края,
Где девушка живёт моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась и в кусты
Упала выводком галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.*

¹ «О поэтической идентичности говорят лишь тогда, когда в стихах непосредственно отражается взгляд на мир и поэзию, характерный для той части общества, к которой относит себя поэт. Поэт осознаёт свою принадлежность к некоторой общественной группе и регулярно говорит от её лица — так что его стихи благодаря выраженной в них идентичности образуют общий контекст с текстами других поэтов, проявляющих ту же идентичность» [8, с. 140].

*И снова мир.
Как равнодушие, как овал.
Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!*
(20 января 1936 г.) [6]

По нему был назван первый сборник поэта — «Гроза», увидевший свет в 1960 году — в разгар хрущёвской оттепели. В лице Когана эпоха нашла своего героя. Поэт стал символом вернувшейся на короткое время революционной романтики, веры в идеалы революции. Взятые Завальнюком в качестве эпиграфа строки были своеобразным паролем для тех людей, большей частью интеллигентов, кому претил конформизм, кто мог бы причислить себя к неконформистам, а позже и к диссидентам. В «Грозе» Когана шестидесятиникам слышались отзвуки горьковских призывов: «Буря! Пусть сильнее грянет буря!» В противопоставлении гордого буревестника «жирному пингвину» и «глупым гагарам», «угла» — «овалу» читалось подспудно нарастающее напряжение в обществе, наконец-то вздохнувшем свободнее, чуть залечившем военные травмы, зажившем чуть комфортнее и благополучнее. Уже не все могли бы с лёгкостью подписаться под сакраментальным «пролетариату нечего терять, кроме своих цепей», и, очевидно, немногие были готовы расстаться с надеждой на социальный успех, пожертвовать дорогой ценой доставшимся благополучием ради верности идее, начинавшей восприниматься как несбыточная мечта. Но были и отчаянные романтики, сохранявшие веру в идеалы свободы и братства. Другое стихотворение Павла Когана — «Бригантина» — фактически стало их гимном:

*Пьём за яростных, за непохожих,
За презревших грошей уют [5].*

Симптоматично, что очень скоро «Бригантина» стала чрезвычайно популярной песней и переместилась в поле массовой культуры. В разговоре о Завальнюке отметить это важно вдвойне — ведь Леонид Андреевич сам по переезде в столицу стал поэтом-песенником, чьи песни исполняли самые популярные в то время певцы². Правда, зашёл он на это поле с «другой стороны» — с парадного официального входа. Противостоянье «яростных» романтиков/пиратов/рыцарей, сражающихся за идею, и мирных обывателей, стремящихся к спокойной жизни у домашнего очага, было частью остающегося поляризованным массового сознания и во многом определяло поведенческие модели. Молодого интеллигента той поры не удовлетворяло «и снова тишь, и снова мир», он заявлял: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал».

О том, насколько остро воспринималось противоречие между любителями «углов» и «овалов», можно судить по роману Даниила Гранина «Иду на грозу» (1962 г.) и по популярности снятого по нему в 1965 году одноимённого фильма. Герои — два подающих надежды молодых физика (после космонавта, пожалуй, самая романтическая профессия 60-х годов) Сергей Крылов и Олег Тулин со студенческой скамьи изучают физику грозы. В духе революционных романтиков 1920-х годов друзья мечтают научиться управлять природой. Но постепенно их пути расходятся: Олег готов пойти на компромисс, поступиться принципами ради успеха, а Сергей считает, что истина дороже.

Поэтическим голосом поколения «отчаянных» романтиков 1960-х, безусловно, стали Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко. Завальнюк учился с ними в Литературном институте имени М. Горького в одно время (он поступил туда в 1957-м, а закончил заочно в 1960-м). Но был ли вместе с ними? С 1964 года он жил в Москве и, надо полагать, имел возможность, как сейчас принято говорить, быть в тренде, в сердцевине лирического потока и оттепельного литературного процесса. Возможность быть имел, но был ли?

Я не первая, кто задаётся этим вопросом. В довольно обстоятельной, хотя и не бесстрастной статье, предваряющей сборник избранных стихотворений разных лет «Всё с вами, но не ваш...», её автор — Александр Белый, наверное, впервые попытался разобраться в тех непростых отношениях, что связывали (или не связывали) поэта со своими современниками. В его поле зрения попали не только литературные факты, но и любопытные свидетельства современников поэта, его друзей. Воспроизведу одно из них, принадлежащее Юрию Кочеврину, экономисту и социологу: «Леонид Завальнюк выпадал из общей картины своего поколения, его эстетики, его образной системы. Не потому, что он был выше или ниже своего поколения или своих предшественников. Он принадлежал к иной «эстетической конструкции», и ему было неловко среди своих современников. Впрочем, как и им было неловко с ним» [Цит. по: 1].

Однако современниками Завальнюка были не только «эстрадные» поэты. Второй эпиграф к «Геометрическому» — строки из стихотворения Наума Коржавина (1925–2018 гг.) «Меня, как видно, Бог не звал...»:

*Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал.
П. Коган*

*Меня, как видно, Бог не звал
И вкусом не снабдил утонченным.
Я с детства полюбил овал,
За то, что он такой законченный.
Я рос и слушал сказки мамы*

² Леонид Завальнюк — автор нескольких десятков песен, которые в своё время исполняли Сергей Таюшев и Татьяна Рузавина, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев и др.

*И ничего не рисовал,
Когда вставал ко мне углами
Мир, не похожий на овал.
Но все углы, и все печали,
И всех противоречий вал
Я тем сильнее ощущаю,
Что с детства полюбил овал.
(1944 г.) [7]*

Даже если бы стихотворение не было бы предварено эпиграфом, совершенно очевидно, что стихотворение отсылает именно к «Грозе» Когана. Очевидно и то, что первые строчки звучат иронично-вызывающе. Лирический субъект утверждает своё право любить овал, противопоставляя его целостности и гармоничности угловатую дисгармонию мира. Однако, несмотря на видимую полемику с предшественником, Коржавин обнаруживает с ним родственность внутреннего чувства неудовлетворённости миром. Его лирический субъект, пусть и по другому поводу, но так же противопоставляет себя миру, как и субъект Когана.

Стихотворение написано в 1944 году, но прочитать его Завальнюк мог, кажется, не раньше 1963-го³. Именно тогда вышел первый и единственный легально опубликованный в СССР сборник Коржавина «Годы». Правда, и в 1950-е, и в 1960-е стихи Коржавина активно распространялись в самиздате. Теоретически Леонид Андреевич мог читать стихотворение и раньше 1963-го, но вряд ли: его юность и молодость проходили вдали от столиц, где чтение самиздата было привычной практикой среди интеллигенции.

В 1964-м Завальнюк переехал в Москву, и здесь до него уже могли дойти самиздатовские тексты. Так или иначе, к середине 1960-х Завальнюк уже наверняка прочёл и Когана, и Коржавина. Возможно, и своё «Геометрическое» поэт написал тогда же — в 1965–1966-м, когда Коржавин выступил в защиту Юлия Даниэля и Андрея Синявского, правозащитников Юрия Галанскова и Александра Гинзбурга⁴. Это были громкие дела и выступления, имевшие большой резонанс в писательской среде. Не слышать, не думать о них, наверное, Завальнюк не мог. Его «Геометрическое» можно прочитать как попытку осмыслить собственное отно-

шение к вновь разворачивающемуся на его глазах вечному поединку между «светом» и «тьмой».

Первое, что обращает на себя внимание в стихотворении, — лирический субъект без возраста, точнее, в трудно определяемом возрасте. С одной стороны, есть ощущение «высоты» прожитых лет, с которой лирический субъект заявляет:

*Я с детства человечков рисовал,
А в них ведь всё —
То угол, то овал...*

и поучает:

*Да, перед светом надо падать ниц.
Но не мешало помнить бы при этом:
Как меж душой и телом нет границ,
Так нет границ меж тенью и светом.*

Так, наверное, мог бы написать пожилой поэт, рассматривающий привычное отношение к каким-то важным темам и суждениям, анализирующий общечеловеческие ценности или ценности поколения, подвергая их проверке. Но проведённое расследование контекста почти не оставляет сомнений в том, что Завальнюку в момент написания стихотворения едва ли было больше 37 лет. Истории известно множество случаев, когда поэт развивает в себе идентичность пожилого человека, по факту не будучи им.

Так, Пушкин писал на 31-м году жизни:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
(«Элегия», 1830 г.) [9]*

Есенин — на 26-м году:

*Отговорила роща золотая
Берёзовым, весёлым языком
<...>
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль.
Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.
(«Отговорила роща золотая...», 1924 г.) [3]*

Выстраивая таким образом свою возрастную идентичность, Завальнюк отстраняется от «вечно молодых» поэтов своего поколения. При этом Вознесенский — 1933 года рождения, то есть всего на два года моложе Завальнюка; Евтушенко — 1932-го (по паспорту — 1933-го). Отделяясь от поколения, поэт отделяет себя и от его ценностей. Противопоставление «овала» «углу» Когана используется здесь как хорошо узнаваемый маркер мировоззренческих и эстетических предпочтений поколения шестидесятников. Красной линией здесь становится максимализм отрицания повседневности, романтизация идеи революционного об-

3 Справедливости ради надо вспомнить, что впервые стихотворение было напечатано в альманахе «Тарусские страницы» в 1961 г. Мог ли читать его Завальнюк? Неизвестно. Вероятность есть, но не велика.

4 Выступления Коржавина привели к фактическому запрету на публикацию его произведений и, в конечном итоге, к эмиграции в 1973 г. В 1973 г., после допроса в прокуратуре, Коржавин подал заявление на выезд из страны, объяснив свой шаг «нехваткой воздуха для жизни». Эмигрировал в США, где продолжил литературную деятельность. В 1976 г. во Франкфурте-на-Майне вышел сборник его стихов «Времена», в 1981 г. там же — сборник «Сплетения».

новления, бунтарский дух. Возьмём для примера «геометрические» стихи Андрея Вознесенского — фрагмент из «Параболической баллады» (1959 г.):

*Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно — во мраке и реже — по радуге.
Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом — торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть из Монмартра,
Он дал кругаля через Яву с Суматрой!
Унёсся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жён, духоту академий.
Он преодолел тяготенье земное.
Жрецы гоготали за кружкой пивною:
«Прямая — короче, парабола — круче,
Не лучше ль скопировать райские кущи?»
А он уносился ракетой ревущей
Сквозь ветер, срывающий фалды и уши.
И в Лувр он попал не сквозь главный порог —
Параболой гневно пробив потолок!
Идут к своим правдам, по-разному храбро,
Червяк — через щель, человек — по параболе [2].*

«Овал» и «угол» трансформируются у Вознесенского в «прямую» и «параболу». Разумеется, «парабола — круче». Лирический субъект без тени сомнения, но с явной иронией декларирует: «Идут к своим правдам, по-разному храбро, / Червяк — через щель, человек — по параболе». Державинская максима «Я царь — я раб — я червь — я бог», постулирующая неоднозначную сложность человеческой природы, у Вознесенского сводится к противопоставлению и упрощению. В стихотворении легко определяются романтические клише конца 1950-х — 1960-х годов: антитеза художник-творец — обыватели-«жрецы»; творчество — «сумасшествие денег», «кудахтанье жён», «духота академий»; наука — религия; официальное «музейное» искусство — неформальное творчество площадей.

Чёрно-белой графике Когана и Вознесенского Завальнюк противопоставляет растушёванную картину в сером цвете со стёртыми углами, увиденную сквозь иную оптику — взглядом мудреца из народа:

*Есть утренняя серая пора,
Есть пасмурные дни и вечера,
Но как-то забываем мы об этом,
Как и о том,
Что не единым светом
Жив человек.
И что б ни рисовала
Его рука,
Куда бы ни вела, —
Углы всегда лежат внутри овала,
Как сам овал всегда внутри угла.*

Фольклорная мудрость «Не хлебом единым жив человек» — о том, что человеку следует не только интересоваться материальными благами, но и жить духовной жизнью, — оборачивается у Завальнюка по фольклорной же логике мыслью про то, что жить исключительно «светом» — тоже не совсем правильно. В человеке, как и в природе, уживаются «свет» и «тьма», «угол» и «овал», а тело и душа неразделимы:

*Да, перед светом надо падать ниц.
Но не мешало помнить бы при этом:
Как меж душой и телом нет границ,
Так нет границ меж теменью и светом.
Я с детства человечков рисовал,
А в них ведь всё —
То угол, то овал...*

По-своему отвечает Завальнюк и второму участнику поэтического диспута. Жалоба лирического субъекта Коржавина на острые углы, которыми его встречает мир, не находит отклика у Завальнюка. «Свободная вещь», — так сказал бы Платонов. «Привычное дело», — сказал бы Белов. «Имея эллиптическую сущность, / Нельзя не наткнуться на углы», — говорит Завальнюк. Признание за миром права быть несовершенным, в том числе и жестоким — кажется, так можно сформулировать пафос лирического обращения поэта к своим невидимым собеседникам. Ему одинаково чужды романтический нигилистический бунт, которым было охвачено его поколение, и самоощущение жертвы, иногда свойственное людям постарше, пережившим репрессии и войну. На первый план выходит не сочувствие, но назидание, суть которого можно передать, наверное, так: «Смирись, гордый человек, перед сложной неоднозначностью мира». Лирический субъект не сочувствует ни себе, ни своим собеседникам. Стих лаконичен, пожалуй, что аскетичен, стремится к афористической ёмкости и смысловой закруглённости. И в этом тоже можно усмотреть сепарацию от изошрённой, цветистой поэтики знаменитых современников. Это наблюдение навело исследователя на мысль о «принципиальном изменении культурной ориентации» поэта. «“Эстетическая конструкция” Завальнюка располагается в поле демократической (в бахтинском смысле) культуры, которая и приняла на себя нагрузку высокой», — пишет А. Белый [1].

Соблазн согласиться велик. Однако стоит заметить, что если и говорить о расположении поэзии Завальнюка в поле демократической культуры, то не в бахтинском смысле — карнавальность, амбивалентность, маргинальность, провокационность не были свойственны поэту и его произведениям. В этом поле существовали совсем другие персонажи отечественной неподцензурной поэзии: И. Холлин, Я. Сатуновский, Вс. Некрасов, Вен. Ерофеев, например. По парадоксальной логике советского быта и бытия

поэзия Леонида Завальнюка располагалась в том же поле официальной поэзии, что и поэзия тех современников, от которых он стремился отделиться, но только на другом его конце. И связывала их не столько сила притяжения, сколько

сила отталкивания друг от друга. Но тем не менее вместе они определяли интересный, сложный, неоднозначный ландшафт отечественной официальной, или подцензурной, поэзии второй половины XX столетия.

Список использованных источников

1. Белый, А. «А без корней я — древесина...» / А. Белый. — Текст : электронный // Завальнюк Л. А. «Всё с вами, но не ваш...». Избранное. — Москва, 2019. — URL: <https://mybook.ru/author/leonid-zavalnyuk/vsyo-s-vami-no-ne-vash-izbrannoe/read/> (дата обращения: 20.10.2021).
2. Вознесенский, А. А. Параболическая баллада // Полное собрание стихотворений и поэм в одном томе / А. А. Вознесенский. — Москва, 2012. — С. 7–8.
3. Есенин, С. А. Отговорила роща золотая... // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. / С. А. Есенин. — Москва, 1961. — С. 173–174.
4. Завальнюк, Л. А. Геометрическое / Л. А. Завальнюк. — Текст : электронный // РуСтих. Стихи классиков. — URL: <https://rustih.ru/leonid-zavalnyuk-geometricheskoe/> (дата обращения: 20.10.2021).
5. Коган, П. Бригантина / П. Коган. — Текст : электронный // Русская поэзия. — URL: <https://m.rupoem.ru/poets/kogan/nadoelo-govorit-i> (дата обращения: 20.10.2021).
6. Коган, П. Гроза / П. Коган. — Текст : электронный // Онлайн-Читатель.РФ : онлайн библиотека русской классической литературы. URL: <https://онлайн-читать.рф/коган-гроза/> (дата обращения: 20.10.2021).
7. Коржавин, Н. Меня, как видно, Бог не звал... / Н. Коржавин. — Текст : электронный // 45-я параллель : Интернет-альманах. — URL: https://45parallel.net/naum_korzhavin/menya_kak_vidno_bog_ne_zval.html (дата обращения: 20.10.2021).
8. Поэзия : учебник / Н. М. Азарова, К. М. Корчагин, Д. В. Кузьмин [и др.]. — Москва : ОГИ, 2016. — 883 с.
9. Пушкин, А. С. Элегия // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 : Стихотворения. Сказки. Поэмы / А. С. Пушкин. — Москва, 1936. — С. 120.

Материал поступил в редакцию 21.10.2021.

Сведения об авторе: Красовская Светлана Игоревна, доктор филологических наук, профессор, преподаватель кафедры словесности Лицея Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). Контактные данные: e-mail: skrasovskaya@mail.ru.